

Дики адьгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ ВЫПУСК 11 (123)

РУКЕВИЧ А. Ф. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СТАРОГО ЭРИВАНЦА (1832 – 1839 гг.)

**V.
Сборы в поход. Семья Аксеновых. Канун выступлений. Поход. Туземная милиция. Катастрофа с правой колонной. Занятие аула. Ночная атака горцев.**

1838 год я считаю поворотным в моей жизни. С этого года начинается моя боевая страда, окончившаяся вместе с последними боевыми выстрелами на Кавказе.

В день Нового года разнеслась радостная весть о предстоящем походе и, по принятому на Кавказе обычаю, у нас в полку началось общее ликование. Да и как было не радоваться?..

В период мирного пребывания штаб-квартирная жизнь шла скучно, монотонно, с утомительными по своей мелочности строевыми занятиями и однообразной караульной службой... Дни проходили одинаково: сегодня, как вчерашний... Книг было мало, газеты были еще большей редкостью... Постепенно всеми начинала овладевать апатия, работа шла вяло...

Но вот пронеслась весть о готовящейся экспедиции, и все проснулись... Роты, батальоны загадывали, кому выпадет счастливый жребий идти и, когда вопрос выяснился, оставшиеся искренно завидовали уходящим. Все, словом, рвались в бой... В бою была поэзия, риск, возможность отличия... Бой считался делом, а мирное затишье прозябанием...

Я пережил все эти настроения, пожалуй, в более острой степени, чем все остальные, ибо для меня бой связывался с вопросом "быть или не быть"...

Канун нашего выступления я, конечно, провел там же и, помню, был очень оживлен и весел, несмотря на завтрашнюю разлуку. Говорил я о своем намерении записаться в охотники, которые всегда идут впереди, и вернуться или "с белым крестом на груди, или там лечь под черным крестом"... Фраза была эта мною очень обдумана и рассчитана на эффект. Действительно, та, для

которой все это говорилось, вскочила и убежала; вернулась же она только тогда, когда старушка-мать, по моей просьбе, благословила меня серебряным православным крестиком. Детишки подняли рев, это дало мне возможность не скрывать и моих слез...

Помню хмурое, туманное мартовское утро 1838 года с мелко моросившим дождем... Солдаты первых двух батальонов с подоткнутыми по походному спереди полами шинелей спешно выбегали из казарм и выстраивались на площади покоем вокруг аналоя...

Старик-священник отслужил напутственный молебен, потом окропил нас святой водой. На меня, помню, попала целая струя воды, и я счел это за самое благоприятное предзнаменование. Затем командир поздравил нас с походом, мы ответили единодушным "ура", и двинулись под веселые звуки марша...

Вся штаб-квартира, разумеется, не спала и высыпала на проводы. Уходящих крестили, многие плакали... На крыльце аксеновского дома, мимо которого мы проходили, стояли все, теперь мне казавшиеся близкими, почти родными, и тоже махали плат-

ками, крестили и плакали... Как было не свершить чудес храбрости ради таких добрых людей?..

В Тифлисе к нам присоединились два батальона Мингрельского полка, несколько батарей и рота сапер. Дальше мы двинулись по Военно-Имеретинской дороге на Потю, но, не доходя его, переправились через Рион и пошли на Сухуми, где к нам присоединились Гурийская, Мингрельская, Имеретинская дружины, частью верхом, частью пешими.

Это были молодцоватые, щегольски и цветисто разодетые части, перед которыми мы, серые, уже несколько потрепавшиеся в походе, казались совсем замухрышками. И вооружение наше тоже было нехорошее. Правда, многие дружинники имели еще бердыши, секиры, луки со стрелами, но у многих были нарезные, малокалиберные ружья, обладавшие гораздо большей дальностью, чем наши семилнейные, стрелявшие шагами на сто-двести, да и то не каждое. Мы знали, что бережные горцы были большей частью вооружены такими же турецкого или, правильной сказать, английского происхождения ружьями, но мы шли с большим презрением

к неприятельскому вооружению, твердо уверенные, что нашему врагу несдобровать против нашего молодца-штыка, а их пуля — дура... Должен откровенно сказать, что, тем не менее, каждый из нас охотно променял бы свою кочергу на длинную фузею горцев, будь только возможность приделать к ней штык.

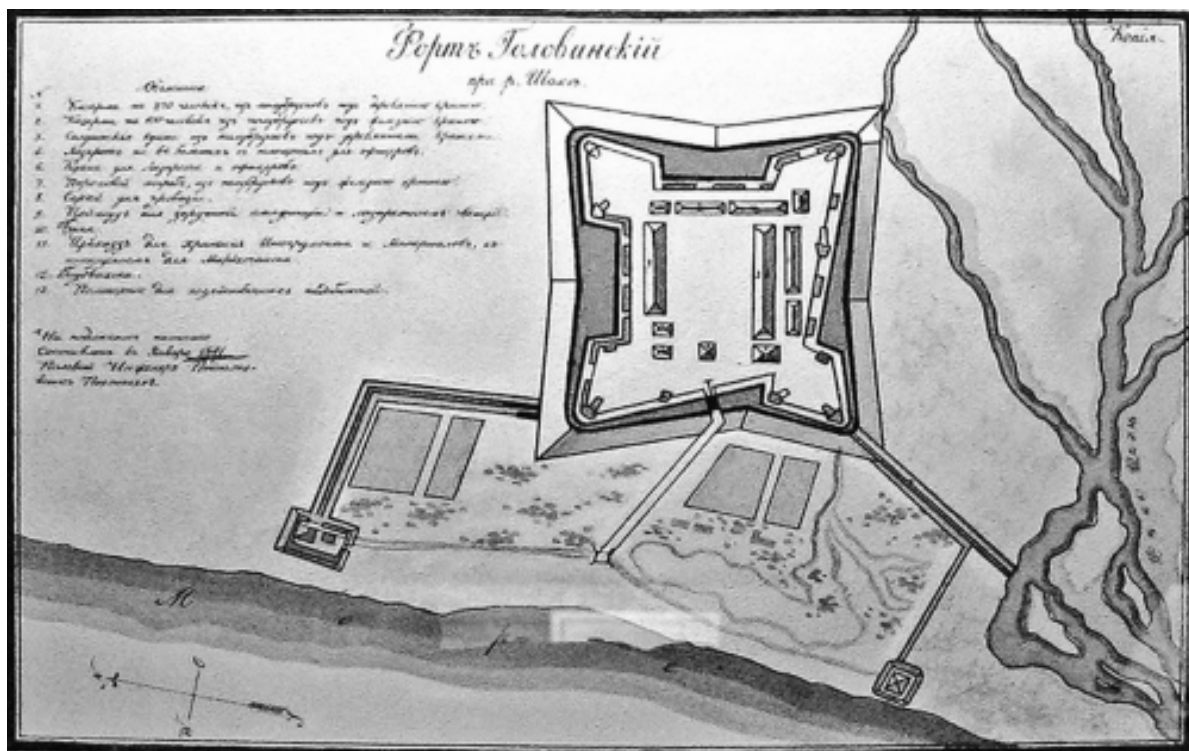
Два слова о нашей экспедиции. Она была предпринята повелением самого государя Николая Павловича, который в прошлом году лично объехал все побережье и признал необходимым заложить здесь ряд укреплений, дабы разобщить кавказских горцев от их единоверцев — турок, постоянно снабжавших наших противников оружием, порохом и посылавших через эти порты своих эмиссаров в глубину Кавказских гор для возбуждения горцев к непрестанной борьбе с Россией. Для овладения береговой полосой, от которой по последнему мирному договору Турция, хотя и отказалась, но продолжала фактически господствовать за отсутствием у нас на Черном море сильного военного флота, было назначено два отряда: Северный — для движения от Суджука (нынешний Новороссийск) к югу и наш Южный, направлявшийся от

Сухуми, к северу навстречу первому.

В Сухуми нас уже ждали транспорты и конвойные суда, под начальством адмирала Артюхова. Десятого апреля началась посадка войск, а 12-го мы тронулись. Погода вначале стояла великолепная, но в открытом море начало изрядно покачивать, быть может, по морскому и незначительно, но для многих, и в том числе для меня, эти полтора-два дня положительно вычеркнуты из жизни. Я лежал, как пласт, и ко всему в мире относился равнодушно. Помню один момент, когда сознание мое боролось с сумасшедшим желанием броситься через борт, дабы смертью разом прекратить эти невыносимые страдания, но что-то или, вернее, кто-то удержал меня.

13-го апреля с утра на всех судах поднялась суматоха, обычно предшествующая высадке войск. Начались переключки, расчеты по гребным судам, раздача патронов, сухарей и т. п. Готовясь к бою, люди мылись, переодевались в чистое белье, и не слышно было обычных шуток, прибауток... Я ли привык к морю, или оно стало тише, но я начал приходить в себя и мне постепенно передалось общее оживление. Я делал то же, что и другие, и вызвался в охотники, уверенный, что мучения мои кончатся, как только я ступлю ногами на твердую землю.

Около трех часов мы подошли к Сочи. Невысокий берег тут расступался и образовывал широкую долину, по которой текла горная речка Сочи-Пста, давшая название всей местности. Правая, южная сторона долины, несколько выступавшая вперед, оканчивалась террасой, на которой среди высоких каштановых и ореховых деревьев белели сакли горского аула. В глубине долины зеленели лесистые горы, а далее за еще более высокими, но уже синими и лиловыми хребтами, ярко сверкали снежные вершины... Эта чудная панорама навсегда запечатлелась в моей памяти.

[В этом ауле жил убыхский князь Аубла-Ахмет, слывший по всему побережью, как отчаяннейший пират, грабивший и наши крымские, и турецкие анатолийские берега. За его небольшой, но чрезвычайно хорошо оснащенной бригадой наши военные суда очень долго и упорно гонялись и так-таки не могли захватить ее. Горцы, населяющие эту часть побережья, принадлежали к племени убыхов, находившихся под властью князя Берзекова, который пользовался, благодаря своим личным свойствам, громадным авторитетом не только у своих, но и вообще у других горских племен. Это был рыцарь по своему характеру и в тоже время человек большого ума и военных дарований. Он объявил себя открытым врагом России, и все нападения, впоследствии произведенные на наши береговые укрепления, были организованы им, причем он чрезвычайно умело использовал изолированное положение наших опорных пунктов. В конце концов, мы вынужденно покинули занятую линию и, когда ее вновь заняли, то Берзеков не захотел признать нашу власть и, сломленный силой, но не покоренный, гордо покинул свою родину и выселился со всем своим племенем в Турцию. Я, между прочим, слышал, что под эгидой этого благородного представителя убыхского рыцарства воспитывались даже дети владетельного князя Мингрелии Шервашидзе, впоследствии служившие на русской службе. — Прим. А.Ф. Рукевича].

[Старик Берзеков дожил до глубокой старости. Сыновья его живут в Турции до сих пор и пользуются большим почетом у турок и большим влиянием среди всех племен бывших кавказских горцев. Старший из Берзековых, может быть, войдет со временем в историю своим классическим ответом кавказским революционерам, которые в 1905 или 1906 году, в угаре революционного возбуждения, послали депутацию турецкому султану с предложением воспользоваться временным ослаблением России и занять своими войсками Кавказ. Соблазн был велик, но страх перед возможностью воздействия великих держав вынудил султана отказаться от прямого участия. Тем не менее, он просителям указал на Берзекова, который мог бы поднять своих черкесов и хлынуть всей дикой ордою на Кавказ. Берзеков принял депутатов, выслушал их, но затем дал ответ, полный гордого достоинства: "Я могу не любить Россию, я враг ее, могу воевать с ней, но пользоваться ее временным ослаблением я считаю подлостью..." Впоследствии этот ответ стал известен кавказскому наместнику князю Воронцову, и он написал письмо Берзекову, в котором отметил все рыцарское благородство его ответа. Эти сведения почерпнуты мною из доклада Султан-Гирея "О положении кавказских горцев в Турции", чи-

танном в ноябре 1911 года в "Обществе любителей изучения Кубанской области". — Прим. сына А.Ф.Рукевича и издателя его мемуаров Михаила Рукевича].

Вдруг на флагманском судне поднялось несколько флагов, тотчас по всем судам раздалась сложная команда, и часть матросов с чисто обезьяньей ловкостью бросилась вверх по снастям убирать паруса, а другая — завозилась у орудий, спешно их заряжая. Между тем корабли перестроились в две, как их называют, "кильватерные" колонны: ближе к берегу, сажень в ста, остановились боевые суда, прикрывая собою линию транспортов. Еще взвились новые флаги, открылись боковые люки, выдвинулись орудия, командоры навели их, и разом загремели оглушительные выстрелы, потрясшие корабли!.. Сквозь разорвавшиеся клубы дыма мы видели, как гранаты забороздили по террасе, изрывая пыль и камни... В ауле, казавшемся раньше вымершим, поднялось смятение... Видно было, как там забегали женщины в их цветных платьях, как мужчины таскали на себе разный скарб и угоняли скотину. После нового залпа началась частая бомбардировка всей полосы, насколько могли хватать орудия после подобного обстрела, нам казалось, уж ничего живого не должно было остаться в ауле.

В это время со стороны,

обращенной к морю, спускались лодки, и в них садилась войска, назначенная в десант. Впрочем, следовало бы сказать не "садились", а становились, так как мы сбились в кучу посреди лодки стоя и жались друг к другу, заботясь лишь о том, чтобы не проткнуть соседей штыком и не выстрелило бы заряженное ружье. Наступила торжественная минута!..

Орудийная стрельба разом смолкла, все ванты судов разукрасились разноцветными флагами, раздалась звуки величавого гимна, тогда еще только что введенного и разученного хорами, лодки выплыли из-за прикрывавших кораблей и помчались к берегу...

Много раз потом мне доводилось быть в боях и испытывать душевные подъемы, но никогда я не чувствовал более сильного стремления каким-нибудь необычайным подвигом проявить свою отвагу, как в тот день моего первого боевого крещения... Но этот пыл мне пришлось сдерживать, когда я оглянулся кругом и увидел серьезно сосредоточенные лица солдат. Один говорил полушепотом своему соседу: "Так ты, Николаич, коли что случится, мои семь рублей отошли брату Ивану и накажи ему, чтобы он на панихиду больше полтины не тратил, а чтоб остальные на хозяйство пошли..." А другой пожилой солдат, спускаясь с трапа, нашел кусок полотна-

ной тряпки: "Пригодится нащипать корпию..." — сказал он, пряча лоскут в карман. Простота, с которой были сказаны эти фразы, и полное отсутствие рисовки меня поразили... Что значит мой восторженный порыв к показной отваге по сравнению с этим сознательным мужеством?.. Я был храбр, потому что мне хотелось отличиться, и мне в голову не приходила мысль о возможности дурного исхода, а они шли на бой с той же готовностью и спокойно говорили о панихиде, о корпии, насколько не рисуясь... Мне сделалось стыдно моей экзальтации, и я постарался быть сдержаннее...

Берег у самой воды образовывал низкую, немного повышавшуюся вглубь материка полосу, шириной сажень двадцать-тридцать, по которой во время волнений раскатывались волны. Ближе осаждался мелкий песок, далее галька, а еще далее крупные камни. Разгон волны ограничивался почти отвесной, сажень пять высоты, стеной. Эта стена, то сильно понижавшаяся, то повышавшаяся, и прибойная полоса тянулись вправо и влево, насколько хватал глаз, лишь в этом месте стена расступалась на полверсты, образуя широкую речную долину, по которой текла Сочи, мутившая чистую морскую воду.

Разогнавшиеся лодки врезались в мягкий береговой песок. Сходен некогда было

ставить, и мы соскакивали прямо в воду и бежали выстраиваться на берег. После качки земля, казалось, уходила из-под ног, и некоторые падали, хватаясь за камни или воду. Это дало нам несколько минут веселья, тем более, что пока все было благополучно, и неприятель, очевидно, рассеянный нашими выстрелами, не встретил нас огнем.

Высадив первые части, лодки полетели обратно и в несколько рейсов перевезли первый эшелон десанта с горным орудием, но без лошадей.

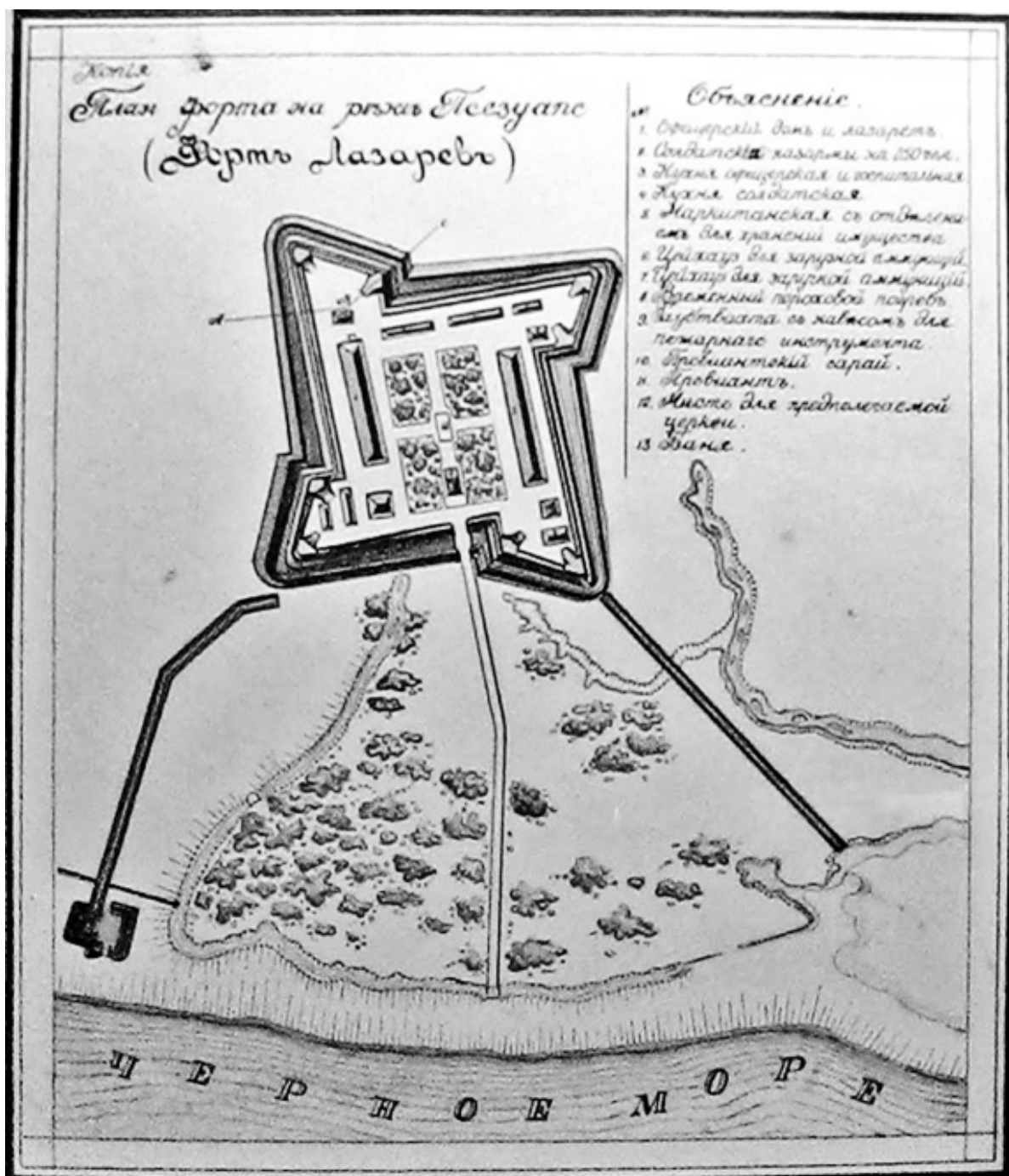
Мы начали выстраиваться в боевой порядок, который состоял из двух колонн: левая, из двух рот Эриванского полка, должна была наступать в пространство между рекою Сочи и возвышенностью, а затем, завернув левым плечом, занять эту возвышенность с севера; правая, из двух рот Мингрельского карабинерного полка с горным орудием, наступала на ту же возвышенность, пользуясь лесистым оврагом, проходившим южнее. Нас, охотников, распределили по колоннам. Мне довелось идти с мингрельцами. Была еще третья колонна из всей милиции, под начальством владетельного князя Шервашидзе, но ее не успели еще посадить в тот день.

Вместо того, чтобы немедленно повести нас на приступ, нас заставили делать какие-то перестроения, хотя всякому было ясно, как день, что по условиям местности мы вынуждены будем сейчас же нарушить всякое перестроение и вытянуться в кишку по ущелью, которое уже успели разведать часть наших охотников. Самая же главная ошибка состояла в том, что мы упустили благоприятное время, горцы успели опомниться после бомбардировки и уже готовились нанести нам жестокий удар...

Впереди пошли мы, охотники, под начальством старшего унтер-офицера Мингрельского полка, далее следовала полурота, тащившая на лямках горное орудие, под начальством поручика Кавказской грендерской артиллерийской бригады Евлиева; затем уже шли остальные части колонны.

Что произошло в самой колонне — я узнал потом. А вот что произошло со мной и с людьми двадцатью охотников, ворвавшихся с криком "ура" в аул, обнесенный кругом высоким палисадом из плотно сбитых толстых бревен, местами поваленных при нашей бомбардировке.

Аул был совершенно пуст. Мы обшарили несколько ближайших сакель, полуразрушенных ядрами. Серьезное настроение солдат сейчас же сменилось шутивым, и многие занялись ловлей черкесских кур, с кудахтаньем взлетающих на крыши, а я и один какой-то мин-

УБЫХИ

гредец, шедший со мною все время рядом, занялись более важным делом, — отыскивали где-то длинный дюк и начали привязывать к нему желтую тряпицу с узорами... Этим флагом мы хотели возвестить миру наше торжество — взятие неприятельского аула... Но, оказалось, мы рано праздновали победу... Вдруг сзади раздался болезненный крик, потом другой... Я оглянулся и увидел картину, заставляющую меня и до сих пор при воспоминании о ней вздрагивать... Словно из-под земли выросшие человек тридцать горцев бешено сновали между нашими солдатами и молча рубили их шашками и резали кинжалами... Гибель наша была неизбежна, потому что неприятель уже отрезал от нас тропинку, по которой мы поднялись в аул из оврага, а собраться нам в кучу для отпора было уже поздно... Единственный проблеск спасения для нас, еще уцелевших, заключался в отступлении к лицевому фасу, обрывавшемуся к морю пятисаженной стеной с грудой осыпавшихся острых камней внизу... Мигом сообразив это, я крикнул: "Ребята, ко мне!.." Нас всего четыре человека стали отбегать к обрыву...

— Не стреляй, береги патрон!.. — крикнул еще я, сознавая, что в последних выстрелах в упор оставалось средство удержать натиск; держа ружья наперевес, ежeminутно готовые действовать штыками, мы отходили назад скачками, а на нас отовсюду бежали горцы с их зверски искаженными от злобы лицами... Мы достигли таким образом ограды, почти разрушенной нашей артиллерией. — Теперь стреляй и кидайся вниз!.. — скомандовал я и, упершись во что-то ногой, приложился и спустил курок в ближайшего ко мне горца, набеганного на меня... Однако только порох вспыхнул на полке, горец же продолжал бесшумно в своих настилах надвигаться, тогда я ихнул вперед ружьем, почувствовал, как оно воткнулось во что-то мягкое, и тотчас же отдернул его назад, затем оглянулся и ринулся сквозь кусты вниз... Колоточки рвали руки, лицо, одежду, и, наконец, я грохнулся в песок... Я имел еще сознание вскочить на ноги и отбежать в сторону, дабы следующий солдат не упал на меня... Тут ко мне подбежало несколько человек, я им стал торопливо объяснять, но затем упал, потеряв сознание... Очнувшись под навесом перевязочной палатки; припомнив случившееся, я, полагая себя раненым, боялся шевелиться, чтобы не вызвать боли. Понемногу, двинув рукой, потом ногой, я узнал, что все у меня цело; тогда я вскочил на ноги и без шапки бросился бежать, куда глаза глядят... Скоро я опомнился и пошел искать своих. Тут мне рассказали о катастрофе, постигшей главную нашу колонну.

Как только роты втянулись в узкую тропинку, именно в тот момент, когда я наверху

навязывал флаг, думая торжественно победу, раздались крики: "Алла... алла!" и на наших справа и слева из-за кустов и деревьев ринулось несколько сот горцев. Началась беспорядочная стрельба, потом пошла рукопашная, причем приходилось действовать на обе стороны одному против нескольких... Поручик артиллерийской гренадерской бригады Евлиев успел-таки установить свое орудие и дать картечный выстрел, но был тотчас ранен в ногу. Его подхватил фельдфебель мингрельской роты, но был моментально изрублен вместе с несчастным поручиком.

В это время две роты Эриванского полка, под начальством штабс-капитана Гоziуша и капитана Громова достигли без всяких препятствий северо-восточной окраины аула и остановились, поджидая выхода из ущелья правой колонны... Среди общей тишины к ним вдруг донеслись звуки боя... Не имея категорического приказа на этот счет, капитан Громов не решился двинуться далее, но чувство взаимной выручки верно подсказывало солдатам и их уже не могла сдерживать дисциплина: обе роты, как одни, ринулись вперед, сквозь чащу кустов... Было, конечно, уже поздно, чтобы предупредить катастрофу, но зато эриванцы заставили прекратить резню; неприятель отхлынул, и мингрельцы могли вынести свои раненых и убитых, и тех и других оказалось до

двухсот человек и, кроме того, потеряно одно орудие, увезенное горцами во время свалки. Несомненно, в официальных донесениях дело это представлено, как особенно кровавое, вследствие подавляющего превосходства неприятеля, упорное сопротивление которого могли одолеть лишь умелые распоряжения и отвага начальников... Но мы, солдаты, пережившие на своей шкуре всю эту "распорядительность", были другого мнения и глубоко сожалели о напрасно погибших...

К вечеру мы совершенно овладели аулом и всей эспланадой. Саперы тотчас же приступили к устройству укрепленного лагеря. Главная задача заключалась в возможно скорейшем обеспечении лагеря от нечаянного нападения. Сумерки только что начали спускаться, когда нас всех снабдили топорами и заставили рубить вековые деревья, чтобы образовать с трех фасов засеку и, кроме того, расчистить впереди местность на ружейный выстрел.

Когда наступила темнота, картина совершенно изменилась. Вместо незначительного приморского аула, шесть часов тому назад и не подозревавшего своей будущей участи, выросла довольно значительная крепость с оградой из деревьев и тернов. По середине раскинулся оживленный лагерь, с веселыми дымящимися кострами. В уцелевших салях расположилось начальство... Только в юго-

восточном отдаленном углу сложенные прямо на землю семьдесят трупов напоминали о недавней драме. Возле тела поручика Евлиева в фанаре теплилась восковая свечка перед походным образком, а с солдатских мундиров каптенармусы, блюдя казенные интересы, посрезали пуговицы...

Войска на ночь расположились по трем фасам и, кроме того, повсюду выставили пикеты на случай нечаянного нападения. Предосторожность эта оказалась далеко не лишней.

Часов около трех, когда зашла луна, на восточном фесе, занятом нашими эриванцами, часовые услышали треск сухих веток, нарочно разбросанных перед засекой, а затем привычные глаза рассмотрели пригнувшиеся фигуры, которые кралась к укреплению. Часовые подали условный знак подчаскам, те сообщили дежурным частям, находившимся у самой ограды; мигом цепи стрелков заняли всю линию обороны, а позади стали наготове сомкнутые части. Заранее было приказано не стрелять без особого приказа, и солдаты стояли в напряженном состоянии у ограды, а впереди копошилось что-то, какие-то фигуры молча ползли все ближе и ближе и залегали так, что, по рассказам солдат, слышно было тяжелое дыхание... Горцы, видимо, поджидали, пока они не соберутся в большом числе... Но в это время у одного сол-

дата нервы не выдержали, и он выстрелил в смельчака, хотевшего пролезть между сучьями... Мгновенно поднялась стрельба по всей линии. Неприятель, видя себя обнаруженным, вскопился на ноги и с криками "Алла!.. Гяур гап!.." бросился к укреплению. Многие из них тут же пали от выстрелов, другие под ударами штыков. В это время от неизвестной причины загорелась стоявшая несколько позади и в стороне высокая черкесская рига на сваях, в которой горцы сушат обыкновенно свою кукурузу. Пожар разом осветил местность и дал нашим стрелкам хороший прицел. Много тут полегло убыхов жертвами своей безумной отваги.

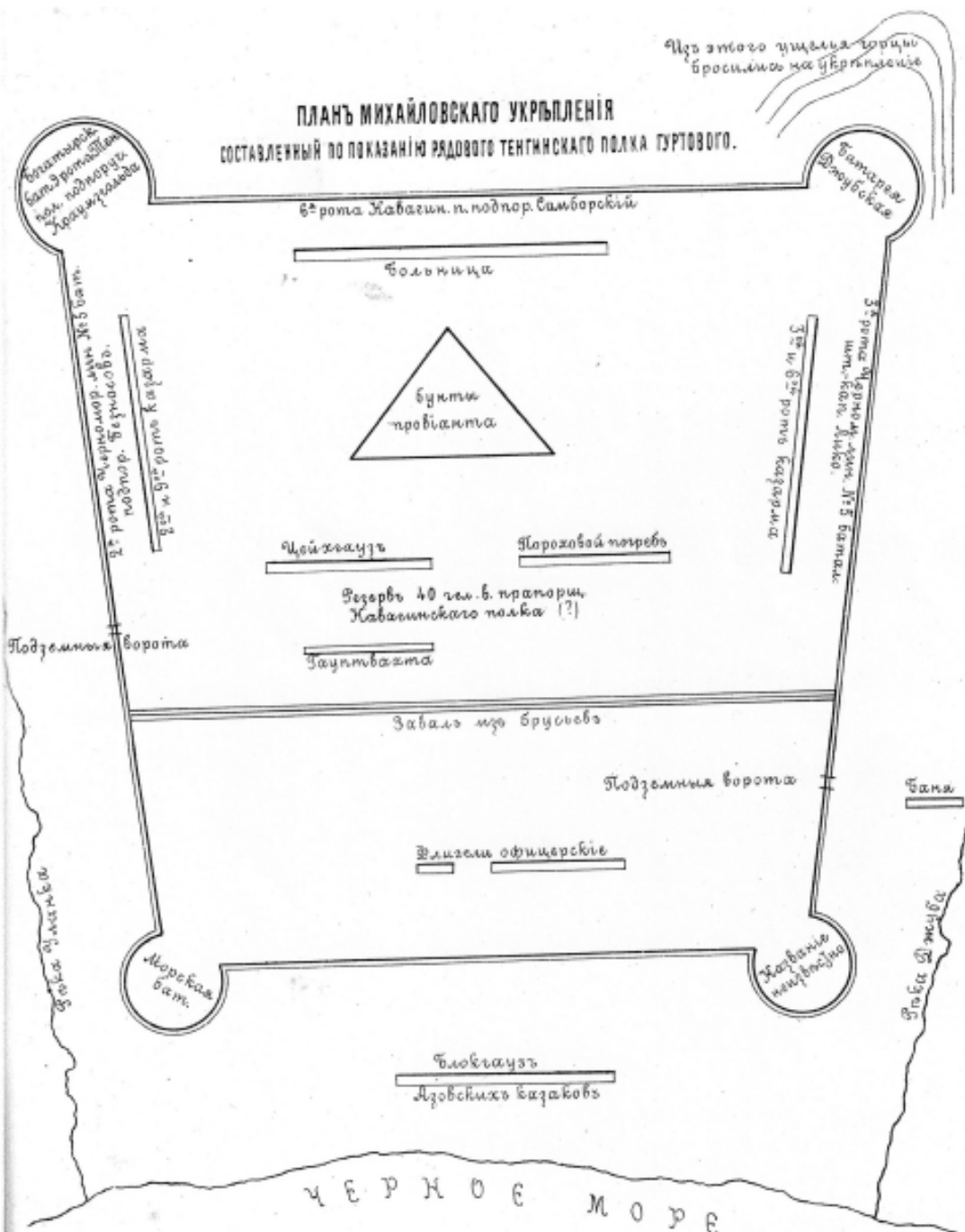
Интересная и в то же время трогательная сцена разыгралась потом из-за этих трупов. После приступа горцы отхлынули, оставив на месте много тел. При свете разгоревшегося костра нам было видно, как некоторые убитые, лежавшие сначала без движения, потом зашевелились и старались отползти подальше. К ближайшим из них наши солдаты бросились через проходы, желая забрать пленных!.. И вдруг, к удивлению, из-под некоторых мертвецов повыскакивали совершенно здоровые горцы, которые, как оказалось, ползком на своих спинах увозили погибших товарищей... Натолкнувшись в одном месте на подобную парочку, наши солдаты расхохотались самым добродушным образом.

— Ишь ты, гололобые, как ловко придумали!.. Ну, гайда... гайда, кунак!.. — сказал один ефрейтор, шуточно подталкивая попавшего горца. Вместо ответа убых выхватил кинжал и пырнул солдата в живот. По счастью, кинжал скользнул по медной бляхе и толстому пояскому ремню. Бедному же горцу, ослепленному безумной злобой, пришлось лечь рядом со своим товарищем, а с ним и многим другим...

Наступивший рассвет прекратил бой, и вслед за тем явились парламентарии с просьбой выдать тела. Генерал Симборский разрешил им это, но только не более десяти человек разом, и в то же время на них были наведены заряженные орудия. Когда производилась эта процедура, вся опушка противлежащего леса была усеяна несколькими тысячами горцев, от которых к нам доносилась отборная русская брань. Может быть, это были наши дезертиры какие-нибудь, но, может быть, и горцы, удивительно скоро усваивавшие наш ругательный лексикон.

Присутствовавшие при уносе убитых наши солдаты рассказывали потом, как скорбно глядели на своих павших товарищей пришедшие, какие тяжелые стоны раздавались порою и какой ненавистью разгорались у них лица при взгляде на нас.

Помню я, в одной из групп вечернего бивака я слышал разговор, рисующий взгляды солдат на нашу завоеватель-

ную политику. Между солдатами пересказывались впечатления дня, вспоминались эпизоды ночного боя.

— Ну, да и злочкий же народ эти убыхи!.. — говорил один. — Как глянет на тебя, ажито перекосится лицо, задрожит весь... Если бы не наведенные на них пушки, так и бросились бы в резню...

— Да, уж ему теперь не попадайся... Озлобел... — вставил другой.

— Ты говоришь “озлобел”... Конечно, озлобеешь!.. — заметил сипловатым голосом один знакомый мне нервный, болезненный солдат первого батальона. — Как тут не озлобеть, когда мы пришли сюда и согнали его с места. Может, он тут спокон века живет и досе не знали над собой верха... Всякий тут озлобел...

— Оно так-то так... Да все же он должен покориться нашему орлу. Потому у нашего орла крест в лапах, а у него ничего нет, один лишь турецкий месяц, да и тот на ущербе... Где ему спорить с крестом?.. Вся Азия должна безвременно кресту покориться!.. Об этом и в книгах писано...

VI.

Участь моих товарищей по атаке 13-го апреля. Мингрелец Созонтыч. Закладка Александровского укрепления. Атака горцев 1840 году. Подвиг Тренко. Буря 30-го мая. Между двух огней. Награждение меня георгиевским крестом. Крепостные работы. Действия майора Радкевича десятого июля. Келасури. Отрядное кладбище. Возвращение в штаб-квартиры. Заключение.

Я ничего не сказал об участии моих товарищей по занятию аула, а между тем она представляется довольно интересной. Из всех охотников всего уцелело человек пять, отчасти выздоровевших после поранений, а отчасти затаившихся в кустах. Те же трое, что отступили со мной, не все отделались благополучно. Один был изрублен на самом краю оврага, другому при падении сквозь кусты разорвало колючкой глазное яблоко, и он впоследствии совсем ослеп, а третий сломал себе ногу о камни. Этот третий был солдат Мингрельского полка, с которыми, мы навязали флаг. Позволю себе несколько забежать вперед и рассказать, как иногда случай сводит людей.

Этого мингрельца, лежавшего со сломанной голенью ноги, я часто навещал, пока он лежал в полевом лазарете, и пережитые недавно опасности как будто сближали нас. Потом я потерял его совершенно из вида. Прошло много лет. В 1854 году, в турецкую войну, когда я уже был майором, в сражении под Кюрюк-Дара наш Эриванский полк стоял в резерве, но к нам все-таки долетали неприятельские ядра и пули, то и дело вырывавшие жертвы из сомкнутых рядов. При этом каждый раз раздавалась команда: “Носилки!..”, затем “Сомкни ряды!..” чтобы заполнить

место только что убитого. Но отойти назад, продвинувшись вперед за какое-нибудь укрытие или лечь, чтобы сделать строй менее видным, считалось в то время позорным, почти равносильным проявлению трусости. Вдруг в соседних со мной рядах раздалось: “Ох, батюшки, помираю!” и кто-то упал головой вперед. Я невольно повернул в ту сторону голову, и в тот самый момент меня словно ожгло по правой стороне лба и сбило папаху. Я поднес руку к голове и, увидев кровь на ладони, разом почувствовал сильнейшую боль и упал без сознания. Не повернулся я вправо, пуля, несомненно, пробилась бы лоб, а теперь она прошла по касательной, раздробив лишь выступающий угол, носящий у френологов название математической шишки.

На главном перевязочном пункте при спешной работе, я был докторами сочтен убитым и меня перенесли далеко от стороны, где уже рыли братскую могилу... И я бы, конечно, попал туда, не случись в числе санитаров нашего эриванца, который захотел, но христианскому обычаю, проститься со мной и наклонился дать свой последний напутственный поцелуй, но в это время услышал мой стон... Участливый солдатик бросился к нашему полковому доктору Гурко и, запыхавшись, доложил: “Жив еще человек!.. Стонет!..” Доктор недоверчиво отнесся к словам солдата, но все-таки пошел через все поле, внимательно осмотрел мою рану, смыл губкой кровь, вынул пинцетом некоторые осколки костей и, перевязав за отсутствием под рукой бинтов собственным носовым платком, велел перенести меня в палатку к “живым”... Сам Гурко мне потом рассказывал об этом, причем сознавался, что не верил в мое исцеление, сделал это, чтобы “потом совесть не мучила”...

Вследствие большого количества раненых в этом сражении нас всех клали вперемешку и потом уже сортировали офицеров и солдат. Когда я очнулся под палаточным навесом, мой сосед обратился ко мне:

— Здравия желаю, ваше высокоблагородие!.. Вот где довелось нам встретиться...

— Здравствуй, братец!.. А ты кто такой?.. — спросил я, не видя говорившего сквозь свои бинты.

— А мы брали вместе Сочу... Помните, еще тряпицу на дреколье навязывали, а потом от церкви вместе в кручу прыгали... Только тогда я сам себе ногу о скалу повредил, а теперь он (т. е. неприятель) мне ее, кажись, совсем попортил...

Таким образом, капризом судьбы мы сведены были через шестнадцать лет, но бедному мингрельцу не повезло и на этот раз: ему отняли ногу ниже колена... Мы с ним были одновременно эвакуированы и поправлялись в одном госпитале около Делижана, и за все это время сохраняли те приятельские отно-

шения, которые в те времена долгой солдатской службы порою возникали между офицерами и нижними чинами. Когда рана моя совсем зажила, мне прописан был моцион, но у меня страшно кружилась голова. И вот Созонтыч ежедневно приходил ко мне в палату и, поддерживая меня своею сильною правой рукой, водил по поляне, сам ковыляя на своей деревяшке и костыле... При этом он с удивительным тактом умел соблюсти известное чинопочитание и не проявить низкопоклонства. Выписались мы из госпиталя одновременно, я чтобы ехать домой на поправку, а он, чтобы потом уволиться в “чистую”, т. е. быть выброшенным за негодностью на все четыре стороны... За долгие дни совместной госпитальной жизни я успел полюбить этого честного, разумного Созонтыча, потому предложил ему пожить у меня, намереваясь впоследствии подыскать для него какое-нибудь подходящее место. Но он отказался от моей помощи.

— Покорно благодарю за ласку и доброту, ваше высокоблагородие! — сказал он. — Я хуч и без ноги, а не пропаду, потому я дюж работать... Сначала пойду, продаю своих на родине, а там подамся на Кубань. Мне бы только земли коснуться, а я свое возьму...

И действительно, надежды Сазонтыча осуществились и в гораздо большей степени, чем он мог когда-нибудь мечтать.

Прошло еще лет двадцать пять. В конце семидесятых годов я служил в Кубанской области губернским воинским начальником и по делам службы часто разъезжал по станицам, где стояли команды так называемых “местных войск”. Однажды, не доезжая Кавказской станицы, меня застигла вьюга. Ямщик мой сбился с дороги, и все наши усилия были направлены к тому, чтобы отыскать стог сена, дабы притулиться, как говорил ямщик, на время... Но, как на зло, всегда попадающиеся в этом месте стога теперь исчезли куда-то, и наши лошади, проплутав по сугробам, скоро совсем выбились из сил и наконец стали... Нас начало заносить... Я-то был в енотовой шубе, но бедный ямщик в своей шубейке, подбитой ветром, сильно заболтал меня. Мне пришлось его сажать к себе в сани и прикрывать полами шубы, за лошадей же мы не боялись, потому они “привычные”... Вдруг наш коренник заржал, и вслед затем к нам вместе с завыванием ветра донесся слабый звон бубенчика... Мы давай тогда кричать, что есть мочи... Через некоторое время на нас наехал странствующий торговец, кочевавший со своим товаром по станицам. По его рассказам, его пара сытых лошадок никогда не плутает: сами знают дорогу, он и за вожжи не держит. Мы свернули за ним и действительно скоро приехали на чьи-то хутора. Нас встретили по ху-

торскому обычаю, тогда еще процветавшему, очень радушно, и, отогреваясь за чаем, я узнал от молодых хозяев, что они собственники весьма значительного участка земли и занимаются хлебопашеством и овцеводством. Во время нашего разговора с печи вдруг раздался чей-то возглас, и оттуда стал спешно слезать старик, до сих пор не принимавший участия в разговоре.

— Ваше превосходительство!.. А ведь я вас признал... Видит Бог, признал... Я такой-то... Помните Сочу, потом Кюрюк-Дару?..

Не могу выразить, как я был радостно поражен... Как два брата, потерявшие друг друга и снова свидевшиеся неожиданно, мы обнялись, старые соратники... И действительно, разве мы не были братья, разве нас не обрали бывшие бои, не на одних ли полях мы проливали кровь?.. И слезы, самые радостные слезы катились у нас из глаз...

Старику было за семьдесят лет, но как он сохранился, несмотря на отрезанную ногу и все пережитое... Как он все помнил живо, как говорил интересно и какой это оказался умный, тароватый хозяин!.. Когда мы с ним расстались в Тифлисе, он “потяпался” в Россию, но, не пройдя и четверти пути, застрял у линейных казаков, сначала работником, потом арендатором, а потом и собственником порядочного участка земли, баснословно дешево купленного у какого-то офицера. Правду Созонтыч мне говорил, что ему бы только коснуться земли, а он уж своего не упустит... Тут же на Кубани он женился на вдове и имел, кроме пасынков своих детей и много внуков.

Метель улеглась, а мы все еще сидели и болтали. Расстались мы с чувством большого сожаления, с обещанием, что он непременно посетит меня в Екатеринодаре; но, увы, это была наша последняя встреча, — потом старик простудился и умер, не дождавись Светлого праздника.

Но какую хорошую семью он создал. Умирая, он сделал словесное распоряжение, чтобы в случае спора из-за дележа имущества между тремя сыновьями и двумя замужними дочерьми они обратились не в суд, а ко мне. “Как решит генерал, так тому и быть”... И мне пришлось туда ехать на место и производить дележ, причем спорящими и недовольными сторонами были собственно зятья, смирившиеся только после того, как я им пригрозил судом, от которого они получили бы лишь по одной четырнадцатой части, а не пятой, как определил старик. Исполняя затем желание покойного, я крестил одну из недавно родившихся внучек.

Но я далеко забежал вперед, а потому вернусь к моим сочинским воспоминаниям. 21-го апреля, в день рождения императрицы Александры Федоровны, после торжественного молебствия состоялась зак-

ладка укрепления, названного Александрийским, затем произведена трассировка, и со следующего дня начались земляные работы. Флотилия же несколько дней как снялась и пошла к Херсону за лесом, заранее приготовленным для бережных укреплений.

Александрийское укрепление было весьма удачно выбрано и не менее удачно построено, но большим недостатком было отсутствие воды, за которой приходилось спускаться вниз к реке, и тут-то нас обыкновенно подстерегали горцы. Генерал Симборский поэту приказал выслать большую колонну, которая очистила оба берега от леса и возвела на месте водопоя небольшой блокауз на две роты и два орудия.

Говоря о хорошей постройке Александрийского укрепления, я имел в виду удачную его распланировку и умелое приспособление к местности, что позволяло применить самую упорную оборону. Другие береговые укрепления, одновременно возведенные, были не так хорошо приспособлены, что и доказало будущее. В 1840 году убыхи и другие горские племена, собравшись в громадном числе, совершили почти одновременное нападение на все бережные крепости и некоторые им удалось взять. Тогда-то знаменитые Архип Осипов и штаб-капитан Лико совершили свой самоотверженный подвиг, взорвав себя со всеми защитниками Михайловского укрепления, дабы не сдать позорно врагу. В этом Александрийском укреплении (потом названном Даховским, затем фортом Навагинским и, наконец, получившим свое старое горское название Сочи) произошло не менее трагическое событие, кажется, еще нигде не описанное.

Передаю его со слов очевидца, которому я имею право вполне доверять.

Однажды на рассвете горцы, вероятно, вследствие какой-нибудь нашей оплошности, ворвались в укрепление и так внезапно, что захватили в одном из краевых зданий всех офицеров гарнизона, грешным делом в ту ночь подвыпивших. Тут же их горцы и перерезали всех, за исключением одного, если память мне не изменяет, по фамилии Трепко, который случайно не участвовал в общем кутеже... Он первый узнал о вторжении неприятеля в крепость, разбудил криком солдат и с попавшимися под руку людьми с ружьем в руках ринулся на врага. Фехтуясь ружьем направо и налево, он успел переколоть нескольких... Солдаты в одном белье сбегались к месту боя и в несколько минут подняли на штыки около двухсот человек... Отразив первый натиск, Трепко организовал правильную оборону, и все последующие яростные атаки горцев были отбиты... В этом случае умелому распределению сил содействовало прекрасное устройство самой крепости.

(Продолжение в следующем выпуске).